

Митрополит Иларион: В строительстве храмов мы должны находить взаимодействие между традициями и новациями

10 декабря 2016 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, стал ректор Московского архитектурного института Дмитрий Олегович Швидковский.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

В последнюю четверть века в России активно восстанавливаются храмы, разрушенные или оскверненные в советские годы. Одним из актуальных вопросов, встающих перед теми, кто восстанавливает храмы, является вопрос о традициях и новациях в храмовой архитектуре.

О том, какими должны быть храмы в XXI веке мы будем сегодня говорить с моим гостем – ректором Московского архитектурного института Дмитрием Олеговичем Швидковским. Здравствуйте, Дмитрий Олегович!

Д. Швидковский: Здравствуйте, владыка!

Я уже десять лет как ректор Московского архитектурного института, 25 лет преподаю историю архитектуры в этом институте. История архитектуры, прежде всего, церковной архитектуры, меня интересовала всегда, ибо в России история церковной архитектуры составляет основу стиля главных периодов нашей архитектуры в целом. Как только я стал ректором, у меня возникло желание открыть специализацию в области храмового зодчества. Наконец, в этом году нам удалось открыть специальную кафедру и выделить направление подготовки по храмовому зодчеству.

Митрополит Иларион: Согласно сохранившейся статистике до революции в Российской империи было почти 79 тысяч православных храмов. В советское время большинство из них было или разрушено, или уничтожено, или они, оставленные без внимания, постепенно превращались в руины. В конце 80-х годов от 79 тысяч у нас осталось 7 тысяч действующих храмов. И когда началось церковное возрождение, то, конечно, прежде всего, перед нами встали задачи,

связанные с архитектурой. Ведь каждому понятно, если храм разрушен или перестроен, то правильнее всего – восстановить его в первоначальном виде. Но не всегда это получалось, более того, не всегда это требовалось, поэтому Церковь не всегда шла именно по этому пути.

Когда, например, восстанавливался Храм Христа Спасителя, за основу был взят его первоначальный архитектурный облик, но были внесены и существенные изменения в проект, так как прежний храм стоял на холме, но потом на этом месте вырыли огромный котлован, ибо известно, что здесь в советское время был плавательный бассейн. Значит, либо надо было заново насыпать холм, либо придумывать что-то другое. Придумали использовать освободившееся пространство под различные церковные помещения: был построен Зал Церковных Соборов, другие помещения, который сейчас используются как конференц-залы; прекрасный музей икон, который не так давно был открыт как раз в нижней части Храма Христа Спасителя. Архитекторы подошли к задаче творчески: они восстановили храм на той же высоте, на какой он и стоял, но при этом использовали появившиеся новые возможности. Так происходило довольно часто и при восстановлении других храмов.

Сейчас у Русской Православной Церкви около 36 тысяч храмов, то есть мы построили и восстановили примерно половину от количества, которое было до революции. Конечно, много храмов по-прежнему остается в руинах. Иногда, проезжая по Московской области, видишь храмы, к которым реставраторы еще не притрагивались. И даже в Москве есть не восстановленные храмы.

Кроме того, сейчас строится много новых храмов, особенно в спальных районах. И здесь, конечно, появляются новые проекты и новые архитектурные решения. Думаю, в этом творческом процессе Ваш институт может играть очень важную роль.

Д. Швидковский: Мой отец в 1967 году начал обследование всех памятников архитектуры, прежде всего, церковной архитектуры, ибо церковью осталось все-таки больше, чем усадеб. В программе «Свод памятников архитектуры России» накопилось много материалов по разрушенным или находящимся в плохом состоянии церквям во всех регионах нашей страны. Мы до сих пор продолжаем это дело. Обмеры церковей мы начали еще раньше, в 30-х годах. Мы организовали центр, в состав которого вошли кафедры реставрации и реконструкции, истории архитектуры и храмового зодчества. Четыре кафедры занимаются церковным зодчеством. Но наших молодых архитекторов трудно убедить в том, что надо следовать историческим стилям, они пытаются делать что-то новое.

На сегодняшний день сделать что-то сопоставимое с традицией, не нарушая самой традиции, сохраняя церковные каноны в полной мере, нелегко. Современный храм уже имеет

дополнительные функции. Профессор нашего института С.Я. Кузнецов построил на Ходынке довольно интересный приходской храм, который, с одной стороны, сочетает в себе традиции древнерусского зодчества, с другой – отвечает современному стилю окружающих его построек. В одном здании соединяется и приходская школа, и другие залы. А внутреннее пространство сделано чрезвычайно эффектно и очень интересно.

На протяжении тысячи лет, за исключением, конечно, Синодального периода, наши храмы в основном строились по византийскому крестово-купольному типу, который абсолютно доминирует в нашей церковной традиции.

Митрополит Иларион: Вы сказали, что храм должен выполнять определенные функции, и его архитектурное решение должно быть под эти функции приспособлено. Это важная мысль, функции храма, конечно, в течение веков одни и те же, то есть храм – это место для богослужения, для молитвы; вместе с тем в наше время функции храма меняются, они расширяются. Часто бывает, что храм встроен в некое архитектурное пространство другого здания. Например, домовые храмы в институтах, учреждениях, больницах. Бывает так, что храм является частью большого здания, и он выделен неким архитектурным символом. Например, стоит длинное четырехэтажное здание и в одном из его крыльев вдруг появляется куполок, и люди понимают, что там храм, но это не отдельно стоящий храм.

В то же время есть, конечно, храмы, в которых дополнительные помещения для воскресных школ построены не отдельно, а становятся частью одного храмового здания, одного архитектурного комплекса. Здесь нередко возникает вопрос о традициях и новациях, то есть насколько далеко мы можем пойти в наших фантазиях, если хотим, например, сделать храм современным, встроить его в архитектурный облик соседних зданий.

На Западе, где мне часто приходится бывать в силу служебной необходимости, я часто вижу католические, протестантские храмы, построенные в самых разных архитектурных стилях. Например, в Женеве есть храм, построенный в форме яйца. Этот храм стоит на месте для фонтанов, то есть вы проходите через воду и попадаете в это «яйцо». Не могу сказать, что это некрасиво – по-своему это интересно. Но я не уверен, что мы, православные, тоже можем строить храмы подобной формы. Опасаюсь, что народ в них не пойдет.

Когда мы были с Патриархом на Кипре, там совершалось богослужение в храме, который был построен в форме корабля, и снаружи он совсем не похож на православный храм. Внутри, конечно, есть элементы православного храма, некое подобие иконостаса, но все же это мало напоминает то, к чему мы с Вами привыкли. От крестово-купольной конструкции, которую Вы описали, здесь нет и следа. Думаю, если бы такие храмы стали появляться у нас, людей бы это

шокировало и оттолкнуло.

В строительстве храмов мы должны находить взаимодействие между традициями и новациями, должны искать некий средний путь. Слепое копирование тоже не всегда хорошо. Если мы восстанавливаем храм в его исконном архитектурном облике, это нормальное и естественное решение, если строим новый храм – мы можем, конечно, взять древний образец и сделать копию. Но во многих случаях приходится фантазировать, сочетать творческий подход с канонической традицией. И здесь уже важен вкус архитектора, знание им архитектурных законов, законов пропорций, потому что все древние храмы строились в соответствии с определенными пропорциями.

Д. Швидковский: Новая архитектура российских храмов должна быть основана, прежде всего, на исследовании, на глубоком изучении православно-византийской традиции, от которой в архитектурном смысле мы взяли далеко не все, что могли бы взять, ведь в советское время был разрыв традиции архитектуры храмов. Я считаю, что в нашем движении вперед мы должны обязательно учитывать как общеправославный древний опыт, так и те удивительные достижения 20-30 лет перед революцией, когда как раз пытались создать новые храмы, при этом полностью следуя их каноническому, традиционному облику. И им удалось соблюсти этот баланс.

Митрополит Иларион: Наш разговор показывает, что у нас широкое пространство для взаимодействия. Я очень надеюсь, что сотрудничество Церкви и возглавляемого Вами института будет продолжено. Думаю, оно будет полезно и для Ваших студентов, которые будут изучать историю архитектуры, архитектурные стили и формы, и для Церкви, так как будет способствовать повышению профессионализма наших церковных архитекторов. Поэтому хотел бы пожелать успехов Вам и вашему институту.

Служба коммуникации ОВЦС